

U D O L I
O R C H O N

С.КАРЖАУБАЙ

تاتارستاندا KARAIYUL MÜZEY

KARAI

jez. Caidan

КАРЖАУБАЙ САРТКОЖАУЛЫ

**Объединенный
казанат тюрков
в 745-760 годах**

(по материалам рунических надписей)

АСТАНА-2002

*Министерство образования и науки Республики Казахстан
Евразийский национальный университет им.Л.Н.Гумилева*

Сарткожаулы Каржаубай.

Объединенный каганат тюрков в 745 -760 годах.

– Астана: "Фолиант", 2002. – 220 с.

ISBN 9965-477-47-7

Книга предназначена для историков, этнографов, лингвистов, археологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся истоками этносов, населяющих Евразийский континент.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы ни была форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 9965-477-47-7

© Сарткожаулы Каржаубай, 2002

© "Фолиант", 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена изучению начального периода истории Объединенного каганата тюрков, существовавшего в 745-844 гг. на Евразийском континенте.

Читатель вправе, конечно, спросить: откуда появился ранее неизвестный в науке Объединенный Тюркский каганат? Попытаемся ответить на вопрос.

Основоположники тюркологии И.Я.Бичурин, В.В.Радлов и др. путем анализа широкого круга источников дали первое толкование термина "уйгур" и причин возникновения на исторической арене Уйгурского каганата. В частности, В.В.Радлов доказал, что термин "уйгур" в VIII-IX вв. означал "объединенный, соединенный".

В памятнике Тэс, обнаруженном в 1976 г. в Монголии, есть слово "цјуигтус" (Тэс.П.2), употребляемое для обозначения понятия "объединенный". Здесь корень слова – "цјуиг", а "тус" глагол прошедшего времени. Слово "цјуигтус" в контексте надписи переводится как "объединившиеся", "соединившиеся", "сотрудничающие". Далее в памятнике речь идет об организации Уйгурского каганата.

Объединитель 12 племен Йоллыг упоминает в каменных памятниках имена тюркских каганов (Бумын, Истеми) как тюркского периода, так и Уйгурского каганата. Уйгурский каганат в них не представлен отдельно. На восточной стороне памятника Теркин есть такие слова "jollyу қаған... бумун қаған есүмиз аратуз".

Памятник Тэс, сообщает о том, что объединенный Уйгурский каганат просуществовал 70 лет, в памятнике Теркин указаны другие хронологические рамки – 80 лет. "Мы, – подчеркивается в памятнике, – сумели сохранить свою государственность на протяжении 300 лет". Иначе говоря, здесь имеется в виду 300-летняя история тюрков с 456 по 751 гг.

Тексты памятников времен Первого, Второго Тюркских каганатов и уйгурского периода абсолютно идентичны. В них нет ни малейших орфографических и диалектологических различий. Более того, в одном из уйгурских памятников X в., обнаруженном в Турфане, сообщается, что у них "язык тюркский".

Таковы исторические памятники, позволяющие проследить историю объединенного каганата тюрков.

Теперь о том, почему и где ученые-тюркологи допустили неточность и досадные ошибки?

Исследователи И.Я.Бичурин, В.В.Радлов без глубокого анализа и синтеза восприняли слова Ди-ли, Те-ли, гаогю из древнекитайских источников как термин "уйгур".

Политическая ситуация, сложившаяся между Оттоманскими турками, на протяжении 500 лет господствовавшими в Европе, и Российской империей, вынудила основоположников тюркологии настороженно относиться к слову "тюрк". Понятие "уйгур" в контексте анти-турецкой политики получило необоснованную поддержку, и было искусственно раздуто.

Поскольку основоположники тюркологии находились в плену геополитического фактора, политизация тюркологических исследований еще более усилилась в советское время благодаря стараниям ряда ученых, явно стремившихся исказить историю единства тюркских народов, приписавших общетюркские достижения уйгурскому народу. Разумеется, сказанное нисколько не умаляет значения уйгурской культуры и ее древние корни. Мы всегда придерживаемся той точки зрения, согласно которой уйгурский народ представляет один из древних компонентов истории этнического и культурного развития тюрков.

Политизация древней истории нашла продолжение в исследованиях тюркологов евроцентристского толка.

Настоящий монографический труд имеет целью на основе типологизации исторических процессов, использования методов синхронного и диахронного анализа преодолеть ошибочные и неточные выводы. И оценки, содержащиеся в тюркологии прежних лет, а также воссоздать генезис Древнетюркского Уйгурского каганата.

Опираясь на данные собственного научного анализа, мы решили переосмыслить историю уйгурского каганата, считая, что этот каганат должен называться Объединенным Тюркским каганатом. Он представляет Третий Тюркский каганат.

Разумеется, как всякий научный труд, наша монография не лишена недостатков. Все замечания и предложения по ним принимаем с благодарностью.

Рукопись нашего исследования была подготовлена к печати 15 лет тому назад. Однако трудности переходного периода, прежде всего материально-финансового порядка, задержали издание книги. Возможность появилась только теперь.

Я благодарен Президенту Республики Казахстан Н.А.Назарбаеву за проявленное внимание и уважение к истории Отечества. Выражаю искреннюю признательность активному проводнику политики Президента, крупному специалисту Истории культуры, вице-премьеру правительства Республики Казахстан И.Н.Тасмаганбетову, известному дипломату, тюркологу, ректору Евразийского национального университета М.Жолдасбекову.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Древнетюркские рунические надписи Монголии, как уже хорошо известные, так и обнаруживаемые по сей день, являются отголосками древних кочевнических цивилизаций Центральной Азии, целого этапа их исторического развития, последовательного восприятия этнокультурных достижений каждой этнополитической общности в пространстве и времени. Результаты их изучения, а также анализа других видов источников приводят к заключению о неизменной этнокультурной преемственности известных сейчас древних образований на этой огромной территории. Признаваемое всеми, это положение приобретает иногда расплывчатый и декларативный характер и не всегда подкрепляется конкретными, исторически доказательными фактами, которых и на самом деле не очень много или они пока еще неизвестны. В этом смысле представляется важным и, можно надеяться, перспективным сравнительное изучение текстов рунических надписей, принадлежавших к разным по времени политическим общностям. В нашем случае это три рунические надписи древнетюркского Ель-етмиш Бильге кагана и две прижизненные надписи канцлера Второго Тюркского каганата Тоньюкука (Ашидэ Юфньчжэня), интерпретации известий из которых посвящено исследование. Автор принимал участие в исследованиях этих памятников, предпринятых в последнее десятилетие, а в некоторых случаях с целью уточнения имеющихся данных проводил подобную работу самостоятельно.

Хронологически первой из найденных надписей Ель-етмиш-Бильге кагана была эпитафия в его честь, обнаруженная в 1909 г. экспедицией Финно-угорского общества во гла-

ве с Г.И. Рамstedтом. Она находилась в местности Могойн Шинэ ус в долине реки Селенги и поначалу стала известна как "надпись Селенгинского камня". Г.И. Рамstedт же опубликовал и памятник, дал его перевод и сделал ряд пояснений филологического и исторического характера. Ознакомление с тюркским текстом памятника привело исследователя к заключению, что он посвящен второму правителю объединенного каганата тюрков (744-844 гг.), известному в китайских летописях под именем Моянь-чжо, отчего он впоследствии и приобрел известность как "Памятник Моюнчуру". Среднекитайская транскрипция Моянь-чжо соответствует исходному Байан-чор. Это был титул тюркского правителя до его возведения на каганство в 745 г. под именем Ель-етмиш Бильге каган или (как в Кара-Балгасунской надписи) Бильге каган. Текст надписи составляет 50 строк.

Содержание надписи историческое. В согласии с уже имевшейся в виде Больших Кошо-цайдамских текстов традицией, автор памятника целиком посвящает ее подвигам героя во время его правления. Выступая по велению Неба, каган предводительствует во всех предприятиях: в борьбе с тюрками (ашинами), карлуками и басмылами, а также чиками, тюргешами, киргизами, в участии уйгуров в подавлении восстания Ань Лу-шаня в Китае, в строительстве Бай-балыка и Орду-балыка. В ней отражен действительно очень важный этап становления объединенного каганата тюрков (уйгуров).

В 1957 г. монгольский археолог Ц. Доржсурэн обнаружил памятник в долине реки Теркин, в северо-западной части Хангайских гор, близ озера Теркин-цаган-нур. В 1969-1970 гг. были найдены остальные части памятника и эстампированы, сфотографированы членами советско-монгольской историко-культурной экспедиции. Знаки памятника, некогда разломанного на три части, хорошо сохранились, повреждены они были лишь незначительно. Перевод текста сделали М. Шинэху, С.Г. Кляшторный, Б. Базылхан, Талат Текин. Текст во многом предвосхищает содержание надписи из Могойн Шинэ ус и, иногда совпадая с ним в значительной мере, позволяет рекон-

струировать чтение М. Шинэху. Сюжетные и событийные характеристики надписи даются в главе. Нельзя не отметить, что именно строки, посвященные ранней истории каганата, были эрнотированы или сознательно испорчены. В сохранившемся виде они переводятся: "(1)... (испорчено около 76 знаков) Йоллыг каган ... Бумын каган эти три кагана на царстве сидели. Двести лет они на царстве сидели. (2)... их народ, придя в ярость, погиб ... из-за двух именитых, истощился и погиб Кадыр Касар, беди и племя берс (берш), Ай-таз огуз (луна коронная огуз) (3) ... мои предки восемьдесят лет на царстве сидели. Отюкенский эль и Тегресиский эль между обеими на реке Орхона. (4) ... моего отца вверху голубое Небо, внизу бурая Земля ... (5)... в свои двадцать восемь лет, в год Змеи (741 г. н.э.), когда я привел в смятение тюркское государство, тогда я его разрушил. (6) ... свою конницу послал. Тысячный отряд пошел, "когда Озмыштегин пойдет в упор биться, будем сражаться", так сказал он". По какой-то причине здесь еще не упоминаются тюрки и тюрки-кыпчаки. Их место заменяют слова "предки" (эчум), правившие, однако, не пятьдесят лет. Зато вместо тюрков, как таковых, здесь присутствуют эпонимы каганов-основателей Тюркского каганата Бумын и Йоллыг ("следующий по истинному пути").

Характерно, что не в пример Большим надписям из Кошо-Цайдама (Кюльтегин) и Байан-Цогт (Тоньюкук, тюрк шир), в обеих надписях Ель-етмиша его родовая принадлежность буквенно не обозначена. Предполагается, что он был из рода (фратрии?) йаглакар, имя которого восходит к обозначению Солнечного быка-прародителя. Указание летописи на то, что военный набег тюрков на Китай в 765-766 гг. возглавлялся младшим братом Бёгю кагана (759-779 гг.) по имени Алп-Улуг тутук Яаглакар (Макеррас, 79-81) еще ни о чем не говорит, так как он мог быть таковым только по отцу, но не по матери катун (императрицы). В самих же надписях Яаглакары упоминаются вне династийного круга: Ышбара сенгун (Теркин. 7) и отмечена одна фраза памятника МШУ: "пришел с Яаглакаром справиться о благополучии" (МШУ Ш.5). В уй-

гурском (турфанском) варианте "Огуз-наме" такой бык-прародитель (при Матери-прародительнице Ай каган) не назван по имени, приведено лишь его схематическое изображение – тамга. Такой или подобной ей тамги на стелах Ель-етмиша нет. На вершине надпись состоит из трех компонентов. Главным из них является стоящий на остром углу ромб – вселенский признак женского начала. Справа изображен стоящий на роге лунный серп (ай), а слева – пока непонятное изображение (возможно ребенок).

Единственной аналогией рассмотренным надписям в практике установки прижизненных рунических надписей на столь значительном государственном уровне являются тексты стел тюркского канцлера (айгучи) Тоньюкука в бассейне реки Тола (Баян-Цогта и Чойрэн), выступившего инициатором Больших рунических надписей (Базэн), консерватором традиционных устоев (86, 40-45), представителем племени (фратрии) ашидэ в династийной коалиции Второго Тюркского каганата (Кляшторный. Ашидэ Юаньчжэнь-Тоньюкук). Будучи катунским по отношению к ашна ("небо", кит. -ашина) племенам, ашидэ (аштак, аждаха – "большой змей", "дракон") сыграли активную роль в создании Тюркского каганата, существование которого в легитимной форме представлялось аштакам в гармоническом соответствии с Катун каган при гегемонии катунской фратрии, олицетворявшей собой и символизировавшей Землю-Воду, Дракона (Змея), Льва, Женщину, Луну, Нижний мир вообще. Борьба за гегемонию в Тюркском каганате, сопровождавшаяся физическим уничтожением многих сторонников катунской фратрии, и вызвала к жизни гневный камнеписный памфлет Тоньюкука.

В отличие от больших надписей (Кюль тегина и Бильге кагана), она вроде бы не сопровождается коронующей тамгой, определяющей родовую принадлежность автора или героя надписи, хотя присутствие рядом с надписью скульптурного изображения женщины около памятника и фигуры стоящего хищника кошачьей породы (барса или льва) (173, т. IV) нельзя считать второстепенным фактом. Является ли тамгой крупный

треугольник, обозначенный перед первыми строками на лицевой стороне надписи, сказать затруднительно. Этот знак имеется и на других рунических надписях (например в Хойто-Тамире). У многих народов древности треугольником обозначали путь движения Луны в ночном небе с располагающимся по центру древом Млечного Пути (205,298-300). В общем виде этот же лунный мотив наблюдается в хорошо сохранившемся погребальном комплексе тюркского времени на одном саркофаге в Шатар-чулу (Баян-Хонгорский аймак, северное побережье реки Тацингол в 10 км к северу от центра аймака,) на котором изображены два хищника из породы кошачьих, обращенные мордой друг другу и с хвостами, загнутыми на спине. Перед каждым из них стоит дерево с лепестками или сучьями (дерево жизни -Млечный Путь) с контуром загнутого лунного серпа на двух подножках (окончание Млечного Пути). Аналогичные схематические рисунки нарождающегося месяца с таким содержанием отмечены во многих районах мира. Подобного вида тамга совпадает у племени тат- аштак (да-ашидэ) в документе VIII в. и в ряде наскальных надписей Дзурдиново (195, 45).

Первый перевод текста надписи Тоньюкука осуществлен В.В. Радловым (1899 г.), он сопровождается обстоятельным синологическим исследованием Хирта, многие наблюдения которого представляют ценность для современного исследователя. Второй по времени перевод принадлежит Томсену (1924-1925 гг.), затем Оркуну (1936 г.), Шпренглингу (1939 г.), Малову (1951 г.), Цэнь Чжунмяню (1958 г.), Аалто (1958 г.), Жиро (1951 г.), Текину (1968 г.), Айдарову (1971 г.). Работы этих авторов, каждая в отдельности и вместе взятые, являются вкладом не только в руническую текстологию и в познание древнетюркских языков, но и в изучение ранне-средневековой истории Центральной Азии. Классовую позицию героя надписи Тоньюкука исследовал Козьмин (классовое лицо), мнение которого учтено и при изучении вопросов раннеуйгурской истории.

В 679 г. против танского сюзеренитета выступили тюркские племена, размещавшиеся в бассейне всей северной излу-

чины Желтой реки (Ордос) и бывшие в то время на службе династии. Во главе восстания стояли предводители аштакских племен Вэннь фу и Фэньчжи. Нанеся поражение китайским карательным войскам и обретя самостоятельность, аштаки поставили каганом Низук бега (кит. Нишу-фу) из племени ашна. Видимо, приглашенный на каганство Низук бег пришелся не ко двору мятежникам и был ими убит (87, 265, 150, 210-212). В поисках нового кагана аштаки встретили другого ашна – тюрка по имени Фунянь, переправили его на северный берег Желтой реки, приняли в свою среду и поставили здесь каганом. Через короткое время и, возможно, не без участия самих аштак (находившихся с ним в ссоре), новый каган был схвачен карателями и казнен на восточной площади в китайской столице. В 682 г. становится известным очередной претендент на каганское звание Кутлуг, ашна, получивший тронное каганское имя Ельтерис.

Его интронизация тоже целиком зависела от аштак: "...не каганом ли (мне его) пожелать?...", "...я сам захотел его ханом!" – говорит Тоньюк (Ашидэ-Юаньчжэнь) в своей надписи (стк. 5,6). Он и стал основателем Второго Тюркского каганата на Орхоне.

Без кагана из племени небесных тюрков ашна (кёк-тюрк) каганат существовать не мог.

В VII в. тюрки представляли себе государственное устройство, равно как и организованный миропорядок, только в гармоническом сочетании-Катун (Женщина, Земля-Вода), Каган (Мужчина, Небо). Понятийным идеологическим эквивалентом термина "каган" было Иди – "хозяин, владелец, господин (о боге)" (109, 203).

Тоньюк и аштаки, представленные в надписи как тюркский трон (Дом), выступают от имени народа (бодун) и Земли (йер): "В земле народа тюркского трона не осталось государственного организма...", "Да не ходит на земле народа тюркского трона (ашнаский) властелин..." (стк. 11) – слова кагана токуз-огузов в адрес Ельтериса. "...Вот и существует народ (кёк-тюркского) Капаган кагана и народ тюркского

трона" (стк.61). В заключительной строке надписи Тоньюкук с надеждой обращается к новому кагану: "Да возвышает тюркский Бильге каган народа тюркского трона (Дома) и народа огузов!" (стк.62). Термин "esir" встречается отдельно (?) в текстах памятников Бильге кагану (стк.1) и Кюли-чору (стк.21: Есир иркин оглы). При наличии разных мнений относительно звучания и атрибуции термина (до этого времени тюркологи дешифровали как "шир", Радлов, Хирт, Бернштам, Жиро, Аалто, Текин, Балтии, Айдаров, Кормушин и Насилов, Кляшторный) автор придерживается чтения "есир (трон)". Как и Аалто, они считают, что слово "шир" заимствовано из иранских языков в значении "хороший, прекрасный". Однако номинативность (а не атрибутивность) состояния и этническое наполнение самого термина (при ином его звучании и, следовательно, понимании) показаны Кормушиным и Насиловым (ст. 1972, 5, 141-142). О слове sir (sir~sar) Маркварт (237, 92) писал, что в восточно-иранских диалектах оно могло означать "князь", позднее обрело значение "лев" и переводилось арабскими писателями о Средней Азии словом "асад" – "лев". В этом значении оно встречается в титулах правителей Бамиана, Гарчистана, Хут-таля и Ревшарана (ср: Хеннинг – среднеиранские языки, 93, 144). Такое же понимание ("лев") следует из древнеуйгурских генеалогий, где Тоньюкук считается первопредком уйгуров-арсланов ("львов"). При исследовании вопросов этнокультурной преемственности турфанских уйгуров ("кочо-уйгуров") от орхоно-селегинских, А. Габэн отметила имя их "дворянской" фамилии Арслан, эквивалентом которого было среднеиранское слово шир – "лев".

Сочетание тюрк-шир рассматривается как указание на то, что в это же самое время существовали и нетюркские ширь ("львы"). Сын Есир иркина Йеген-чор в надписи из Ихэ-Хушоту назван уйгуром (ср. имя уйгура Арслан иркин в китайской энциклопедии: ЦФЮГ, 1975). Для предлагаемой работы эти обстоятельства имеют принципиальное значение.

Другая прижизненная надпись Тоньюкука (у станции Чойрэн в 120 км. к востоку от Улан-Батора, МНР) прямо адресо-

вана уйгурам: О ней стало известно в 1928 г., когда в Академию Наук СССР поступили ее четыре снимка, посланные Ученым Комитетом МНР. В 1968 г. надпись детально обследовал С.Г. Кляшторный, опубликовавший в 1969, 1971 и 1980 гг. ее фотографии, прорисовку, чтение и перевод текста и снабдивший его обстоятельным комментарием. (188,249-252; 199, 90-102). В ней Тоньюкук обращается к токуз-огузским предводителям: (1) Государь меня послал: "Радуйся и иди!" – он сказал. (2) От Ель-терис кагана (3), Тун Бильге, (4) Тун-йеген иркин, (5) вы семь сородичей, смотрите не отделяйтесь же!". Речь идет о событиях конца 60-х гг. VII в., когда огузы селенгинского бассейна находились в границах владений Второго Тюркского каганата, возглавлявшегося Ель-терис каганом. Предпринятый Кляшторным опыт анализа тамгового материала составляет важную часть его исследования. Он также использован в работе автора.

В целях выяснения вопросов, поставленных в предпринятой работе, привлечены показания других тюркских рунописных памятников Монголии и Енисея, а также тюркских документов из Восточного Туркестана, обнаруженных экспедициями Радлова, Грюнведеля, Лекока и др. Главную часть последних составляют тюркские тексты из Турфанского оазиса, т. е. из той местности, где во второй половине IX в. сложилась новая уйгурская государственность во главе с арслан-едизами, манихейцами, несторианцами и буддистами по вероисповеданию. Манихейство в качестве едва ли не государственной религии было принято орхонскими тюрк-уйгурами в 761 или 763 гг. при Бегю кагане (759-779 гг.), всего через 17-20 лет после создания Уйгурского каганата. Ранние уйгуры не вели светского летописания, если не считать таковыми тексты рунических надписей Ель-етмиша и Бегю кагана, о которых говорилось в начале главы. История уйгуро-манихейской церкви если и не велась в общепринятом понимании, то, по крайней мере, запоминалась достаточно подробно. Об этом можно судить по текстам весьма информативной в историческом отношении Кара-Балгасунской надписи, а также по тюркским документам из

Восточного Туркестана, часть которых была исследована и опубликована Радловым, Лекоком, Мюллером, Маловым и др. Книга манихейских гимнов, фрагменты из которой были опубликованы Мюллером, была начата при Бегю кагане (759-779 гг.) и закончена лишь при кагане, носившем тронное имя Айтэнгриде кут болмыш бильге. Так назывались два кагана: Баои (808-821 гг.) и Чжао-ли (824-833 гг.) (Шавани-Пельо. Манихейский трактат. 203-205). Этим и обусловлено отношение к ним как одному из первоисточников.

Сказанное в полной мере относится и к основанным на них, а иногда и вполне оригинальным китайским сочинениям монгольской эпохи, таким, например, как "История Гаочанского дома селенгинских уйгуров" Оуян Сюаня, включенным в компилятивный труд "Собрание юаньской литературы" (Т. 3. Шанхай, 1056). Составленная в конце XIII-начале XIV вв. "История" турфанских арслан-уйгуров, пришедших с берегов Селенги, в Монголии начинается с жизнеописания тюркского Тоньюкука и роль его потомков в Уйгурском каганате. Социальное место племени, или фратрии, возглавлявшейся Тоньюкуком, определено писателем как "посад родственников императрицы". В процессе исследований привлекаются и другие сочинения этого круга. Сведения о ранних уйгурах Орхона-Селенги содержатся в официальной "Истории династии Юань (Юань-ши)". Раздел из нее, посвященный биографии уйгурского иди-кута (ыдук кута) Барджук Артэ-дигиня (гл. 122), переведен на русский язык Васильевым и опубликован в известной работе Радлова "К вопросу об уйгурах". Фрагменты из сочинений такого рода имеются также в изданных в 1955 г. материалах по истории уйгуров в кратком изложении "Вэ йур-цзу шиляо цзянь-бянь" (составители: Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвзэнь).

Хронологически более близкими к рассматриваемым событиям являются две хроники династии Тан ("Цзю Таншу" – "Старая редакция истории династии Тан" и "Синь Таншу" – "Новая редакция истории династии Тан"). Характеристика этих фундаментальных трудов дана во многих современных ис-

следованиях. Изучив содержания их глав, посвященных уйгурам и их истории, Маккеррас (1-6), сделал полный и комментированный английский перевод известий об уйгурах по обеим редакциям. Русский перевод повествования об уйгурах из "Синь Таншу" сделан Бичуриным. Составители написанной в XI в. энциклопедии "Цэфу юаньгуй" ("Изначальная черепаха императорской библиотеки"), вероятно, имели доступ к документам, хранящимся в Историческом приказе (шигуань) и не использованными авторами обеих редакций "Истории Тан". В тексте всего сочинения имеются довольно многочисленные и, по существу, ранее неизвестные сведения, в том числе об уйгурах и времени образования их каганата. Самым полным из существующих собраний китайских исторических материалов об уйгурах до 745 г. следует считать фундаментальный труд Цэнь Чжумяня "Туцзюэ цзиши" (Собрание исторических материалов о тюрках. Т. 2, С. 1140, общая пагинация. Пекин-Шанхай, 1958), а также немецкий перевод значительной их части Лю Маоцаем в его двухтомном собрании "Китайские известия по истории Восточных тюрков-гуцзюэ" (Т.1 -тексты; Т. 2-комментарии. Висбаден, 1958.)

Для большинства ранних мусульманских писателей территории восточной части Центральной Азии оставались землями неведомыми, хотя сведения о них просачивались и в арабо-персидскую историографию. В первую очередь, это административно-географические справочники, они содержат некоторые сведения, имеющие отношение к предмету исследования.

Первое сочинение такого характера составлено арабским писателем Ибн-Хордадбехом (род. около 820 г.), иранцем по происхождению, арабом по воспитанию и подданству. Его справочное географическое сочинение "Китаб ал-месалик вал-мемалик" ("Книга путей и стран") написано в 846-847 гг. и переработано в 885-886 гг. Помимо названий провинций, городов, постовых станций и маршрутов между ними, Ибн-Хордадбех дает немало материалов по областям, весьма отдаленным от арабского халифата. На востоке его известия про-

стираются до Сила (Корея), в них включаются и территории, занятые тюркскими племенами. Впервые у Ибн-Хордадбега встречается наименование кимака, кроме того, он дает схематическую локализацию чигилей, карлуков, азкишей, тюргешей, тюрков, огузов, кипчаков и некоторых других племен.

Ибн-Хордадбех говорит о токуз-огузах (тугузгуз) (в данном случае уйгурах до их поражения в 845 г.) времени существования Уйгурского каганата на Орхоне и Селенге. При этом кимаки, жившие на севере от них, обнаруживаются, таким образом, на территории Северной Монголии. Интересны его описания ставки-орды предводителя токуз-огузов, титулы тюркских владетелей и др. Среди последних автор упоминает Кур тегина (др. тюрк. Кюльтегин- нач. VIII в.), что говорит о бытовании в то время некоторых представлений о Тюркском каганате. Публикация текста с французским переводом трудов Ибн-Хордадбега были сделаны в 1865 г. Барбье де Менаром (282, 227-295, 446-532). Мы воспользовались его недавним русским переводом (156). Более пространный характер носит рапорт Темим ибн-Бахра, совершившего путешествие к орхонским токуз-огузам в 821 г. Он сообщает, что направо от города кагана токуз-огузов находятся тюрки, с которыми токуз-огузы не смешиваются; налево – страна кимаков, прямо находится страна Син. Тогуз-огузский каган во время приезда Темим ибн-Бахра находился в некоей области, где инспектировал армию, во главе которой стояло семнадцать военачальников. Переводчик и комментатор записок арабского путешественника В.Ф. Минорский видел в этом определенную символику и объяснял число военачальников количеством собственно токуз-огузов и секиз-огузов (восемь племен), они в то время находились под зависимостью уйгуров (285, 275-305). Он полагал также, что известия Темим ибн-Бахра и легли в основу соответствующего раздела труда Ибн-Хордадбега.

Важный раздел о Чине, тюрках и Индии в труде арабского лейб-медика ал-Марвази "Таба и ал-хайаван" ("Природные свойства животных") был в 1937 г. обнаружен Дж. Эрберри, а

в 1942 г. опубликован и переведен на английский язык В.Ф. Минорским (286). С арабского текста этой публикации позднее был сделан русский перевод В.С. Храковского (195). Труд ал-Марвази датируется 1120 г. Однако многие его известия проецируются на реальные события, например, начало XI в. (миграция кочевых племен с востока в Среднюю Азию и в Восточную Европу) и даже значительно раньше. Для нашей темы представляют интерес зарегистрированные им предания о контактах в VIII в.

Сочинение персидского автора Гардзи "Зайн ал-ахбар" ("Украшение известий") является историческим трудом общего характера. Оно написано в 1050 г. и посвящено газнееидскому султану Абдар-Рашиду ибн Махмуду Гардзи. "Зайн ал-ахбар" считается главным источником по истории Хорасана до эпохи Саманидов. В нем широко представлены также известия о Центральной Азии, основным источником которых послужил не дошедший до нас труд арабского поэта и историка Ибн Му-каффа (умер в VIII в.), следовательно, и его известия в изложении Гардзи к тому же времени. В 1897 г. эта часть сочинения Гардзи была переведена на русский язык В.В. Бартольдом (65, 76-128) и опубликована, ее источниковедческий и исторический анализ проделан К. Цегледи (288, 257-267), труд Гардзи многократно использовался в современных исследованиях по исторической этнографии древнетюркских народов - токуз-огузов, ягма, карлуков, тюргешей, кимаков и др.

Автор "Тарихи джехан куша" ("История покорителя мира Чингисхана") Ала-ад-Дин Ата-МеликДжувейни (1226-1283 гг.) – единственный из персидских писателей, кто при изложении ранней истории монголов, тесно связанной с историей тюркских народов Центральной Азии, постарался дать связное ее изложение, начиная с мифо-исторического периода (рождение уйгурского первопредка Буку хана от березы и кедра) до принятия турфанскими уйгурами подданства Чингисхана. Джувейни жил и работал в период единства Монгольской империи, он смог лично посетить Туркестан, Уйгурию и Мон-

голию. Его заслуга в сборе историко-генеалогического материала по уйгурам необычайно велика. Эта часть труда в русском переводе была опубликована В.В. Радловым (175), полный и комментированный английский перевод труда Джувейни осуществлен Дж. Бойлем (280).

Уйгурский историко-генеалогический материал хорошо представлен и в важнейшем памятнике мировой истории "Джамиат-таварих" ("Сборник летописей"), принадлежащем перу персидского писателя Рашид-ад-Дина (1247-1318 гг.). К составлению своего труда Рашид-ад-Дин приступил в 1300-1301 гг., и окончил его к 1310-1311 гг. Надо сказать, что при сборе исторических сведений о ранней истории тюрко-монгольских народов Рашид-ад-Дин и возглавляемый им разноязычный коллектив помощников использовали самые разнообразные письменные источники: китайские, тюркские, монгольские и тангутские, не говоря уже о том, что в ряде случаев их информантами были непосредственные носители традиционной устно-исторической памяти. Для нашей темы наиболее интересен первый том труда Рашид-ад-Дина, посвященный истории Центральной Азии. Важно заметить, что исторической канвой для повествования о том или ином конкретном народе Рашид-ад-Дину послужил уйгурский вариант огузского эпоса, ныне известный как "Огуз-наме". Закончив мифологическую часть, Рашид-ад-Дин приступает к изложению реальной истории. Первым племенем, которому здесь отведено немало страниц, названы джалаиры, происхождение и раннюю историю которых автор связывает с огузами Кара-корума (Орхона). Рашид-ад-Дин совершает ряд экскурсов в предшествующую историю самих уйгуров, приводит фрагменты их генеалогического мифа, этнический состав, географическое положение и т. д. Как и Джувейни, а впоследствии Абул-Гази, Рашид-ад-Дин отмечает этническую двусоставность Уйгурского каганата. Как увидим ниже, она была важнейшим фактором этнической истории ранних объединений каганата тюрков. Русский перевод раздела об уйгурах из "Джами ат-таварих" включен в уже названный труд В.В. Радлова. В данной

работе используется русский перевод двух частей первого тома, сделанный О.И.Смирновой (179).

В процессе работы автор неоднократно обращался и к другим сочинениям мусульманского круга, таким как "Худуд ал-алам" ("Границы мира") неизвестного персидского автора (982г.) – в английском переводе В.Ф. Минорского (287) и "Диван лугатат-тюрк" ("Словарь тюркских языков") арабоязычного тюркского автора XI в. Махмуда ал-Кашгари – в узбекском переводе С.М.Муталлибова (152). На территории Монголии обнаружено немало памятников с руническими надписями, внесших большой вклад в исследование истории тюрков и древних кочевников Центральной и Средней Азии, а также источников, способствующих ретроспективному исследованию истории объединенного Тюркского (Уйгурского) каганата. К ним относятся памятники письменности из Тэс, Теркин (Тариат), Могойн Шинэ ус, Тоньюкук, Чойрэн, показывающие процесс образования, развития и упадка Уйгурского каганата. В надписях из Тэс, Теркин, Могойн Шинэ ус описываются исторические события, происшедшие в Уйгурском каганате в период правления Ель-етмиш Бильге кагана (Моюн-Чжо). Эти памятники, взаимно дополняя друг друга, рисуют реальное положение дел в каганате, в строгом соответствии с хронологией подробно излагают историю возвышения других государственных деятелей, их внутреннюю политику, военную организацию и пограничные дела, а также социальную специфику каганата, его внешнеполитические связи, особенно с Китаем. Автор рассматривает свою работу как начальный опыт интерпретации имеющихся в ней известий применительно к изучению данной темы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Рунические памятники

Ель-етмиш Бильге каган

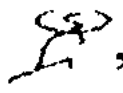
§ 1. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЕЛЬ-ЕТМИШ БИЛЬГЕ КАГАНА

(Тэсинская стела)

21 июля 1976 г. эпиграфический отряд монголо-советской историко-культурной экспедиции остановился на берегу р. Тэсин-гол в сомоне Цаган-ул, Хубусгульского аймака. В состав отряда МСИКЭ входили научный сотрудник АН МНР С. Каржаубай и советский тюрколог С.Г. Кляшторный.

Поиск велся в районе верхнего течения Тэсин-гол в долине Тэс. Здесь, в северо-западном Хангае, между лесистыми отрогами хребта Булнай и гранитным нагорьем Сонгилон расположена обширная долина Тэс. В ней находится много погребальных памятников кочевников древнего и средневекового периодов. В ходе поисков мы обнаружили два крупных могильника тюркской эпохи (VI-VIII вв.) и около десяти курганов бронзового века, расположенные в одном километре севернее Тэсинского моста, в стороне от главной трассы. Протяженность Тэсинской долины составляет примерно 60 км. с востока на запад и 20 км. с юга на север. 21 июля 1976 г. местный житель Л. Цэдэв сообщил нам, что вблизи холма Ногон-толгой, на левом берегу р. Тэс, находится обломок камня, покрытый не соединенными между собой знаками.

Местные жители называют этот камень "священным камнем". Л. Цэдэв указал место нахождения камня. Этот камен-

ный блок действительно является тюркским памятником, представляет собой красноватый мелкозернистый гранит, прямоугольный в сечении, с обломанным штырем на одном конце и со следами излома – на другом; это часть стелы с древнетюркской надписью на четырех сторонах. Длина обломка с надписью 85 см, ширина – 35 см, толщина – 22 см, глубина вырезки букв – 0,3 мм, высота знаков неодинакова, иногда начальные 4-5 строк высотой 4 см, иногда 3-3,5 см, а последние – 2-2,5 см, расстояние между строчными бороздами 37-40 мм, широкие грани – в шесть строк, узкие – в пять строк. Знаки очень характерны для тюркской стелы, их исполнение не отличается от Теркинского памятника. В нижней части обломка памятника вырезана тамга в виде , хотя она не идентична по типу с тамгами, имеющимися на туловище черепухи Теркинского памятника и с тамгами нижних частей стелы Могойн Шинэ ус.

По сообщениям местных жителей этот памятник еще недавно лежал у холма Ногон-толгой, который представлял круглое насыпное искусственное сооружение. Его размер по диаметру с севера на юг – 37 м., с востока на запад – 46 м., высота – около 1,5 м. В западной части холма имеется пагус размером 9 м.

Эпиграфический отряд МСИКЭ, опираясь на сведения, полученные от местных жителей, о том, что когда-то в древности у Зеленого холма (ногон-толгой) находился камень с надписью, произвел раскопки на этой местности, затем – у Ногон-толгой. В результате были обнаружены аккуратно сложенные пахсовые блоки (дерн), на глубине 50 см. находили кости животных, горелое дерево и кострище. При 50 см. углублении были обнаружены сначала обожженный песок, затем – светлокориичневая глина и, наконец, желтый песок. В 1982 г. на Зеленом холме (Ногон-толгой) были произведены дополнительные раскопки с расчисткой объекта предыдущего года; разрез показал идентичную картину напластований культурных горизонтов.

Результаты раскопок показывают, что они заранее выбрали место для земляной насыпи, которое было освящено с

нем, затем засыпано землей до определенной высоты и после этого снова освящено огнем, засыпано землей и тщательно покрыто кусками дерна строго квадратной формы. Видимо, после сооружения холма и до покрытия его дерном здесь во время церемониала было воздвигнуто какое-то сооружение. Около этого возвышения ставили стелу. Разумеется, утверждать определенно, что на этом сооружении был воздвигнут памятник, трудно. Возможно, он был воздвигнут не на верху земляной насыпи, а несколько сбоку.

В одном километре к северо-западу от Ногон-толгой находится аналогичный по форме земляной холм Хух-толгой, размер его оси с востока на запад 42 м, с севера на юг – 35 м, высота около 1 м. На западной стороне Хух-толгой выступает также короткий "язык" - пандус. В 1980 г. мы провели небольшие раскопки площадью 3 x 3 м. и глубиной 80 см. На Хух-толгой были обнаружены тот же дерн (как Ногон-толгой), затем – земля, глинистые и желтые пески, несколько горелых деревьев, кострище и грубые керамические черепки от сосуда ручной лепки, затем коричневая глина и остатки древесного угля. Он ничем не отличается от Ногон-толгой, представляя его характерную аналогию. Результаты раскопок показывают, что эти два холма – не погребальное сооружение, а ритуальный комплекс.

В 5 км к северо-западу находится погребальный комплекс с саркофагом, установленным на земляной, круглой платформе, диаметром 6 м, окруженной рвом. В трех километрах севернее Ногон-толгой находится небольшая гора Хуримт, на западной стороне ее лежит небольшое озеро. В 500-600 м западнее Ногон-толгой протекает река Тэс.

На северо-западе, в 120 км от Тэсинского памятника находится старое городище уйгурского времени (Эрзене. Тувинская АССР). Дамдинсурэн (65 лет) рассказывал о расположении этих мест:

"Раньше от Эрзене до Кара-корума проходила грунтовая дорога. Ныне, за исключением некоторых мест, автомобильное движение закрыто. От Цэцэрлэг сомона на северо-запад

через тайгу проходит старая грунтовая дорога, сохранившаяся до настоящего времени. У истока р. Тэс есть местность называемая Хан-орда, Катун-орда. Оттуда на юг пролегает грунтовая дорога, ведущая прямо в Теркин-цаган-нур".

Почему эти места называются Хан-орда, Катун-орда он не знает.

Остатки развалин плотно окружены густыми лесами. Площадь каждого из них составляет более 600 м. От Тэсинского памятника до Хан-орды – 15 км, до Катун-орды – 25 км.

От Тэсинского памятника до Теркинского памятника примерно 160 км, до Кара-Балгасун (Орда-балык) – 420 км, до памятника Могойн Шинэ ус-300 км.

В районе реки Тэс в 1976-1982 гг. мы провели тщательный поиск, надеясь обнаружить остальные обломки Тэсинского памятника, но, к сожалению, поиски наши не увенчались успехом.

Найденная Тэсинская стела была сдана в Хубсугульский музей, а в сентябре того же года она была перевезена в Улаанбаатор. В настоящее время хранится в лаборатории Института истории АН МНР.

В 1976-1982 гг. производились тщательные раскопки в районах Ногон-толгой и Кюк-толгой, где была найдена стела. Результаты изучения надписей данного памятника были опубликованы С.Каржаубаем в 1978 г. (36.117-124). В 1981 г. М. Шинэху предложил свое чтение надписей (41.36-41), в 1983 г. С.Г. Кляшторный опубликовал свое предварительное чтение (123.76-90), в 1987 г - полное чтение этих памятников (125). В 1983 г. за публикацией С.Каржаубая последовало издание результатов исследования французского тюрколога Л. Базена¹.

После публикации С.Г. Кляшторного, в июле 1984 г., мы вместе тщательно проверили наши прочтения и копировку. На этот раз все различия в копировке и расшифровке были

---

¹ Bazin L. Pour une nouvelle hypothese sur l' origine des Khazar, – materialia Turcica Bochum, 1983. Bd 7-8. С. 52-71.

унифицированы. К сожалению, это уточнение не было отражено в публикации С.Г. Кляшторного, вышедшей в 1987 г.

Ниже приведены сопоставления разнокопировок.

№	Строки	Предварительная копия и чтение С. Каржаубая	Предварительная копия и чтение С.Г. Кляшторного	Новое чтение С. Каржаубая
1	Тэс. 14	Гѣч :ѳ	Гѣч ѳ	Гѣч ѳ
2	Тэс. 14	ѳ ѣ>ѣ	ѳ↓ѣ>ѣ	ѳ ѣ>ѣ
3	Тэс. 21	ѳ>>	ѳѣ>ѣѳ	Г>>:ѳѣ>ѣѳ
4	Тэс. 21	Гѳч)	Гѳч	Гѳч)
5	Тэс. 22	ѳ Гн	ѳ↓ Гн	ѳ Гн
6	Тэс. 18	↓>ѣ	↓Г>>	:↓>ѣ
7	Тэс. 11	ѳѳѳѳѳ:ѳѳѳѳ	ѳѳѳѳѳѳѳѳѳѳѳ	ѳѳѳѳѳѳѳѳѳѳѳ

Проверив копии Тэсинских надписей, мы сделали вывод, что необходимо их сравнить с текстом МШУ-ским и Теркинским и переставить в порядке сторон прежнего чтения. В первых частях МШУ и Теркинских памятников сначала делают экскурс в историю, а затем рассматривают исторические события в строго хронологическом порядке. Поскольку эта традиция сохранилась в Тэсинских памятниках, мы делали перестановку в порядке сторон памятника.

В этом памятнике содержатся сведения о древних обычаях тюркских народов. Например: "Поселился крепкий коруг" (Тэс.1?). Эти строки представляют не только географический интерес. Здесь впервые встречается важное в историко-культурном отношении слово "коруг" (укрепление, охранение, заповедное место). В письменных источниках имеются сообщения о существовании таких мест у сунну, юечжи, тюрков, тюркешей, ранних монголов и др. У тюркешского кагана таким заповедником были "луг и гора", куда лишь в исключительных обстоятельствах должны собираться воины для отдыха и откормки коней перед военными походами (99. с.80-82). У древних сунну существовал обычай, согласно которому осенью (в первой декаде восьмой луны), когда кони были "в телеге", проводились "большие собрания". На